

ДВА СПЕКТАКЛЯ МАЛОГО ТЕАТРА

За короткий промежуток времени Малый театр и его филиал осуществили постановку двух пьес Островского: «Волки и овцы» и «Правда хорошо, а счастье лучше».

Обе эти пьесы написаны приблизительно в одно время (1875 и 1876 гг.), но эти произведения неравноценны. В «Волках и овцах» круг действующих лиц шире и разнообразнее, и выписаны они более глубоко и выразительно, да и развитие сюжета отличается большей цельностью и органичностью. В пьесе «Правда хорошо, а счастье лучше» Островский возвращается отчасти к ситуациям и персонажам некоторых ранних своих произведений.

Но все же и в том и в другом случае перед нами — убедительное раскрытие жизни, где царил волчий закон Мурзавецких, Беркутовых и Барбошевых: где произвол и невежество коверкали людей, душили молодые порывы, и требовалась только счастливая случайность для того, чтобы любовь Поликсены и Платона не оказалась втоптанной в грязь. Если «Правда хорошо, а счастье лучше» и было в какой-то мере возвращением Островского к прежней тематике, то лишь для того, чтобы углубить ее, по-новому выразить свое отношение к «темному царству» Барбошевых. В этом смысле «Правда хорошо, а счастье лучше» отличается от многих прежних пьес Островского в такой же мере, в какой, скажем, отличается от всей галереи изображенных им приказчиков образ молодого Платона Зыбкина. Это уже не покорный и робкий Митя из пьесы «Бедность не порок» и не мошенник Подхализин из «Свои люди — сочтемся» и др., а гневный и страстный протестант, искавший правды, не идущий на компромиссы с совестью, смело бросающий в лицо хо-

зяевам горькие слова обличения и презрения. В создании этого образа, противостоящего в пьесе миру Барбошевых, ярко сказались демократические симпатии драматурга, гуманистическая основа его творчества.

Эту именно основу и почувствовали постановщики пьесы «Правда хорошо, а счастье лучше» (режиссер В. Никольский, художественный руководитель спектакля И. Судаков) и весь коллектив филиала Малого театра. Все поколения актеров, занятых в этом спектакле, играют с одинаковым увлечением, темпераментно, искренне, с той хорошей, прозрачной простотой и задушевностью, которые являются отличительными качествами драматургии Островского. Е. Турчанинова в роли властной, суровой Мавры Тарасовны, Н. Рыжов — Амос Пайфилыч, купец, проматывающий свое состояние, ничтожество, напускающее на себя доску «европеизма» и оттого становящееся еще более смешным, Н. Рыбников в колоритнейшей роли унтер-офицера Грознова, одной из наиболее ярких фигур в пьесе, — сколько правды в каждой детали их исполнения, какое тонкое проникновение в среду и эпоху, представлениями которой являются персонажи пьесы!

Или В. Рыжова. Только недавно мы видели ее в роли Анфисы в «Волках и овцах». Мастерски воссоздала она образ этого безличного существа, потерявшего уже, казалось бы, дар членораздельной речи, изъясняющегося при помощи одного только восклицания и междометий («да уж», «что уж», «где уж...»), ничего в мире не знающего, кроме своего «чайка», попиваемого

с чисто животным вождением. А сейчас вот она перед нами в роли лянки Федигаты, сообщницы своей любимой воспитанницы Поликсены. И какое разительное превращение! В повадках — смесь ласкового простодушия с тонким лукавством, взгляд светится сердечностью и умом, движения полны энергии и того изящества, которые являются результатом совершенного овладения сценической техникой.

Хорошо, душевно играют молодые актеры Е. Багорская и В. Игаров. Любовь Поликсены (Багорская) к Платону поэтична и трогательна, но в этой девушке угадываешь и черты, унаследованные от той же Мавры Тарасовны: гордый нрав, независимость, даже деспотические склонности. Ей вполне веришь, когда на слова бабушки: «Меня не то что уговорить, в ступе утопочь невозможно... И своим характером даже очень довольна», она отвечает: «А у меня характер: делать вам все напротив; и я своим тоже очень довольна». Веришь и Игарову — Платону: ему удалось вложить в свои монологи много сердца, неподдельного чувства, избежать ходульного пафоса, в который легко сорваться исполнителю подобной роли.

С не меньшим интересом смотрит и новал, лаята по счету в истории Малого театра, постановка пьесы «Волки и овцы» (режиссер Л. Волков). Такая же ясность тона, такая же верность замыслу Островского. Но в отдельных случаях актерское исполнение несколько уже этого замысла или является только приближением к нему. Так, В. Массалигинова увидела в Мурзавецкой только крепостницу и самодурку, покладу ее чувств и поведения и эти черты своего персонажа показывает с большой силой. Но ведь Мурзавецкая еще и ханжа, лицемерная богомолка, хитрая мошенница, вполне достойная своего соратника и советника Чугунова! Вот этого ощущения игра Массалигиновой не дает. Думается, что замечательная актриса еще найдет нужные краски для того, чтобы

образ Мурзавецкой предстал перед нами во всей своей полноте.

Точно так же необходимо и М. Жарову кое-что уточнить в своей игре. Он слегка затупевал в своем Аполлоне Мурзавецком черты, отличающие в этом дворянском выроде законного обитателя волчьего дога. Но в плане, задуманном Жаровым, он ведет свою роль непринужденно и естественно. Явно переигрывает артист лишь в третьем акте, в сцене, которую Мурзавецкий проводит в состоянии опьянения.

Полную самостоятельность сумела проявить Д. Зеркалова в роли Глафиры, имеющей такую большую сценическую историю. С подлинно комедийным очарованием, с большим тактом и благородством показывает Зеркалова в своей Глафире умную и обольстительную хищницу, умеющую устраивать свою судьбу. Полны подлинного блеска сцены перехода Глафиры от заторопившейся и веселой жизни в доме Купавиной, «окопачивания» Лыньева, на брак с которым она возлагает столько надежд, встречи с Мурзавецкой после того, как этот брак стал совершившимся фактом. Превосходны М. Климов и Е. Шатрова в ролях Лыньева и Купавиной, которых при всем различии их индивидуальных особенностей сближает социальная судьба людей сытых, праздных, обесчеченных: они лишь по видимости принадлежат к породе «овец», а на самом деле весьма тепло и уютно чувствуют себя в волчьей среде.

Выразительно, зло сумел Владиславский охарактеризовать своего Чугунова, подложных дел мастера, одного из главных вдохновителей преступлений Мурзавецкой. Бой, пожалуй, излишняя барственность во всем облике и тоне Беркутова, которого играет М. Ленин, но... победителя, говорят, не судят. Игра его настолько артистична, обаятельна и естественна, что созданному им образу зритель верит целиком и безоговорочно.

Я. ЗИДЕЛЬМАН.